

Профессор Альбус Дамблдор, директор Хогвартса, с нетерпением ждал этой конкретной сортировки в течение большей части десяти лет. С того момента, как он доверил недавно осиротевшего Гарри Поттера заботам своих родственников, он ожидал, что мальчик вернется в волшебный мир в качестве одного из своих учеников. И когда он вошел в зал, директор не был разочарован.

Гарри выглядел прекрасным молодым человеком, он стоял среди моря первокурсников со спокойной уверенностью, его зеленые глаза внимательно осматривали зал без следа страха и тревоги, которые демонстрировали большинство его сверстников. Он был в компании рыжеволосого веснушчатого мальчика, который мог быть только младшим сыном Уизли, Рональдом, наследником Лонгботтома, Невиллом, и незнакомой молодой брюнеткой, которую он принял за магглорожденную студентку. Выбор Гарри в качестве компаньона немного облегчил дыхание директора, одним из его самых больших страхов было то, что он подружится не с тем учеником во время поездки на поезде, последнее, что ему было нужно, это Мальчик-Который-Выжил, объединившись с ребенком известного Пожирателя Смерти.

Директор Дамблдор с немалым удовлетворением наблюдал за тем, как юную магглорожденную Гермиону Грейнджер поместили в Равенкло, в то время как наследник Лонгботтома, по-видимому, бросил вызов своим собственным ожиданиям, когда его распределили в Гриффиндор. Рональд наверняка будет в Гриффиндоре, как и все его братья до него; они окажут на Гарри чудесное влияние.

Когда наконец пришло время сортировать Гарри, весь зал заинтересованно выпрямился; мальчик проигнорировал шквал возбужденных шепотов, вызванных его именем, когда он подошел к табурету и позволил надеть на голову сортировочную шляпу. Он едва заметно вздрогнул, несомненно, когда Сортировочная шляпа впервые заговорила с ним, каждый ученик, который шел на церемонию сортировки вслепую, был поражен степенью чувствительности шляпы. По мере того как медленно проходили минуты, Дамблдор отмечал каждую мельчайшую вспышку в выражении лица мальчика и каждое движение его тела; в какой-то момент маленькая часть его лица, видневшаяся из-под шляпы, затвердела, а в другой он ухватился за край табурета так сильно, что побелели костяшки пальцев.

Наконец, спустя почти пять минут, прореха на полях шляпы открылась, и она произнесла одно слово. - Слизерин!"

О боже.

Гарри не был полностью уверен, что ему нравится церемония сортировки, он чувствовал себя немного агрессивно, когда казалось, что разумная шляпа заглядывает в его разум и копается в его мыслях и воспоминаниях. Эта штука раскрыла тайну его наследия за несколько секунд до того, как оказалась у него на голове, и хотя она заверила его, что не собирается никому рассказывать, он не чувствовал себя комфортно, зная, что старая Ведьмина шляпа знает один из его величайших секретов.

В конце концов, он ничего не мог поделать; шляпа объявила его слизеринцем, и он пересел на свое место рядом с самодовольным Малфоем. Остальная часть сортировки прошла быстро после этого, Рон присоединился к Невиллу в Гриффиндоре, в то время как последний человек, которого нужно было сортировать, Блез Забини, был помещен в Слизерин. Забини был достаточно милым, немного высокомерным, но далеко не таким напыщенным, как Малфой во время их первой встречи; он обладал замечательным знанием деятельности Слизеринского

дома, несмотря на то, что только что был сортирован, и, казалось, у него не было проблем поделиться этим знанием с Гарри.

"Большинство слизеринцев воспримут ваше добавление как золотую возможность, это их шанс доказать, что этот дом состоит не только из Пожирателей Смерти на "тренировках". Однако не у всех одинаковый склад ума. Настоящие пожиратели смерти на "тренировках" захотят, чтобы ты ушел как можно быстрее и навсегда."

"Как мне отличить хорошее от плохого?" Спросил Гарри, бросив быстрый взгляд вдоль стола.

"Сиди тихо, они скоро сделают свой ход. Когда они это сделают, вы сможете выбрать кто на чьей стороне."

"Блестяще," фыркнул Гарри. "Я здесь уже пять минут, а уже наживаю себе врагов."

"Не понимаю, почему ты так удивляешься," заметил Малfoy, "у тебя был талант наживать могущественных врагов с тех пор, как тебе исполнился год."

"Я не уверен, что кто-то из наших соседей действительно может считаться могущественным врагом," сказал Блейз. "Некоторые из них могут быть выходцами из старых семей, но многие из них потеряли свое влияние после падения Сами-Знаете-Кого и изгнания многих Пожирателей Смерти. Они могут оказаться помехой, но на данный момент ни один из них не является по-настоящему опасным."

"Все равно не стоит их недооценивать," вздохнул Гарри. "Или позволить им думать, что они могут безнаказанно преследовать меня из-за того, кого я мог победить, а мог и не победить, когда был совсем маленький. У меня было больше, чем моя справедливая доля хулиганов в этой жизни, я больше не потерплю."

Блэз наклонил свою чашку к Гарри в знак признательности, прежде чем перевести разговор на более легкие темы, такие как то, чего ожидать от их первого дня занятий. Когда пир закончился и директор отпустил всех на ночь, двое старших учеников, мужчины- и женщины-префекты пятого курса, собрали первокурсников и повели их в общую комнату. Однако, прежде чем они успели выйти из зала, к префекту-мужчине бочком подошел подросток со злобным лицом, который выглядел не на много старше их, на два-три года.

"Ты уверен, что хочешь отвести их всех в общую комнату?" мальчик бросил вызов. "У нас еще не было возможности отсеять ласк, прячущихся среди этой кучи."

Префект Хиггс взял себе за правило не смотреть в сторону Гарри. "Не нужно будет ничего отсеивать," язвительно сказал он. "Сортировочная шляпа сортировала студентов веками, она еще не совершила ошибку, и я сомневаюсь, что она начала сейчас."

"Пусть это будет на твоей совести," сказал подросток, прежде чем уйти так же быстро, как и появился.

Хиггс с отвращением покачал головой, прежде чем вернуться к группе собравшихся первокурсников. "Общие комнаты Слизерина находятся в подземельях, под Черным озером. Существует значительное расстояние между общей комнатой и классными комнатами, но мы покажем вам лучшие маршруты, которые вы пройдете завтра, и вы сможете вовремя попасть на занятия".

Когда они вышли из зала, Драко подошел ближе к Гарри, чтобы тот мог говорить с ним, не

будучи подслушанным префектами. "Это был Эдриан Пьюси, он учится на третьем курсе. Его отец был одним из Пожирателей Смерти, пойманных после падения Сами-Знаете-Кого и запертых в Азкабанае."

"Так что, полагаю, можно с уверенностью сказать, что он среди тех, кто не в восторге от того, что меня приняли в Слизерин."

"Я бы сказал так."

Гарри устало вздохнул. Он надеялся, что приезд в Хогвартс позволит ему начать все сначала, он надеялся, что сможет окружить себя людьми, которые не будут ненавидеть его за то, что он не может контролировать. Но, похоже, он был просто очень легким человеком, которого можно было неоправданно ненавидеть.

Хиггс и его спутница провели их по коридорам замка, указывая, какие лестницы двигаются, когда кто-то находится на полпути вверх, какие двери нужно вежливо попросить открыть, а какие просто нужно хорошенько пнуть в раму, и какие маршруты выбрать, чтобы не опоздать на урок. К тому времени, когда они добрались до общей комнаты и объяснили, как войти, прошло уже почти полчаса с момента окончания праздника, но прежде чем им разрешили подняться в свои спальни, префекты усадили их у камина для короткого обсуждения того, что им следует ожидать от предстоящего учебного года.

Женщина-префект, Амара Фарли, ласково улыбнулась первогодкам, усаживаясь на кушетку прямо напротив него. "Добро пожаловать в Слизерин, в течение следующих семи лет мы," она указала на себя и на группу старшеклассников, все еще толпившихся в общей комнате, "твоя семья, твои наставники, твои проводники. Слизерин уже давно имеет репутацию не производящего ничего, кроме темных волшебников, которые оказались не более чем пятном на нашем обществе, наша задача - развеять это представление, показать им, что хитрость не означает обман, честолюбие не приведет к желанию править миром. Если мы обнаружим, что у вас есть потребность в этом, мы проинструктируем вас о том, как вести себя как в классах, так и вне их, чтобы заслужить уважение, которого заслуживает наш дом."

"А что, если среди них есть такие, которые не поддаются обучению?" спросила хорошенькая блондинка, первокурсница.

"Никто не может быть необучаемым," сказал Хиггс. "Только ленивые и невдохновленные придерживаются такой веры."

"Нет, она права." Третьегодка, Эдриан Пьюси, задержался как раз за пределами кольца первокурсников. "Не всех можно научить."

"Перед вами яркий пример такого ленивого и невдохновленного человека," протянул Хиггс. "Мне уже надоело, что ты меня перебиваешь, Пьюси. Если тебе есть что сказать, говори."

Пьюси отмахнулся от оскорбления старшего слизеринца, как будто даже не слышал его. "Просто в этом году мы приняли одного или двух студентов, которые совершенно очевидно не принадлежат к этому классу. Неважно, насколько хорош учитель, ласку нельзя научить быть змеей, в конце концов, он всегда будет только притворяться."

Гарри тихо вздохнул и прервал Хиггса, прежде чем тот успел сформулировать ответ. "Я думаю, тебе давно пора перестать пытаться говорить то, что ты на самом деле пытаешься сказать. У вас есть проблема с тем, что меня сортируют в Слизерин, я могу рискнуть несколькими догадками, почему, так почему бы не сказать это и не сделать уже?"

"Поттер..." предостерегающе произнесла Фарли.

Гарри покачал головой, глядя на старшую девочку. "Я бы хотел это услышать, если вы не возражаете. Я намерен оставаться здесь в течение следующих семи лет, поэтому считаю, что будет благоразумно уладить все это прямо сейчас." Он снова повернулся к Пьюси. "А что ты имеешь против того, чтобы меня приняли в Слизерин?"

"Тебе здесь не место. У Слизерина есть репутация, которую нужно поддерживать, если ты станешь членом нашего дома, это только запятнает ее."

"А я думал, что все наоборот," возразил Гарри. "Префект Фарли еще пять минут назад сказала, что наша задача - убедить людей, что Слизерин - это рассадник Темных Магов. Что может быть лучше для достижения этого, чем заставить Мальчика-Который-Выжил самому присоединиться к вашим рядам?"

"Да, это так," пренебрежительно сказал Пьюси. "Но даже с тенью некоторых из наших выпускников...плохой выбор висит над нами, Слизерин все еще известен тем, что производит некоторых из самых умных, способных и амбициозных волшебников нашего мира. Можете ли вы честно сказать, что обладаете какой-либо из этих черт?"

"Чрезвычайно," без малейшего колебания ответил Гарри. "А ты можешь? Потому что, глядя на тебя, я вижу ... посредственность. В лучшем случае. После нашей первой встречи в Большом зале я почувствовал, что ваше присутствие меня не слишком впечатлило. Судя по вашим ужасно грубым выкладкам и безжалостным попыткам вмешаться в разговор, я могу сказать, что ваше несогласие с моим поступлением в Слизерин гораздо глубже, чем вы утверждаете. Может быть, это потому, что мое поражение Лорда Волдеморта привело к тому, что твоего родственника посадили в Азкабан? Это была бабушка с дедушкой? Может быть, даже родитель? Я думаю, это твой отец." Пьюси взволнованно дернулся. "Если это так, то, может быть, тебе следует переложить свою вину на более достойную сторону, например, на человека, который так глупо объединился с так называемым темным волшебником, который не мог убить даже годовалого ребенка, не будучи уничтоженным."

"На твоём месте я бы следил за своим языком," угрожающе произнес Пьюси, поглаживая пальцами рукоять волшебной палочки. "Ты ничего не знаешь о том, о чем говоришь, поэтому, если не хочешь закончить свою жизнь в земле, как твой предатель-отец и грязнокровка-мать, тебе лучше помолчать и научиться уважать тех, кто лучше тебя."

Точно так же исчезли и все следы вежливости, за которые Гарри так цеплялся; в тот момент, когда оскорбления покинули пасть старшего мальчика, его лицо окаменело, а глаза вспыхнули пугающим изумрудным огнем. "Послушай меня, ты, омерзительное, вырожденное подобие волшебника," сказал черноволосый мальчик, слова которого были такими острыми и резкими, с таким намерением причинить боль, что все в дальнем конце гостиной отшатнулись от него, "ты пришел сюда в надежде доказать свое превосходство надо мной, показать тщедушному первокурснику Гарри Поттеру, кто именно здесь главный, может быть, даже попытаться отпугнуть меня от Слизерина. Ну, ты сделал все, что мог, теперь моя очередь."

"Ты назвал мою мать грязнокровкой, как будто я должен был обидеться, как будто я должен был броситься на ее защиту, когда, по правде говоря, я предпочел бы быть магглорожденным, грязнокровкой, чем нести позор чистокровки."

"И что ты хочешь этим сказать?" Прорычал пьюси.

"Я имею в виду, что есть чистокровные семьи, которые настолько одержимы чистотой крови,

что с радостью трахнули бы собственную мать, лишь бы сохранить чистоту своей линии. Вы, очевидно, пример такой семьи, вы врожденный шовинист."

Оскорбление оказалось последней каплей, заставившей Пьюси вытащить палочку. К сожалению, Гарри оказался намного быстрее, прежде чем другой подросток успел поднять палочку, он выстрелил жалящим заклинанием, которое заставило Пьюси отшатнуться от ошеломляющей боли.

"Может, я и маленький," сказал Гарри, бросив на своего будущего противника презрительную усмешку. "Может быть, я всего лишь первокурсник, но не принимайте мой рост за слабость и не принимайте мою молодость за невежество, иначе вы поймете, что очень жалеете об этом."

Пьюси ухватился за край дивана, пытаясь восстановить равновесие, и попытался получше ухватиться за палочку. "Ты высокомерный маленький!"

"Успокойся, этот разговор окончен, ты не достоин лизать мне подошвы сапог, не говоря уже о том, чтобы говорить со мной, как с равным, и, честно говоря, мне надоело слушать, как ты пытаешься пробить себе дорогу через английский язык. А теперь, если вы не возражаете, уже поздно, а у меня завтра занятия. Драко, Блейз, вы присоединитесь ко мне?"

Его два товарища обменялись нерешительными взглядами, прежде чем кивнуть. "Конечно. Показывать дорогу."

Когда они оказались в относительном уединении комнаты первого года в общежитии для мальчиков, Драко повернулся к нему с широко раскрытыми от удивления глазами. Это было первое человеческое выражение, которое Гарри увидел на надменном блондине. "Ты же знаешь, что только что нажил врагов из Пьюси и всех его друзей, верно?"

"А я здесь всего час," усмехнулся Гарри. "Захватывающе, не правда ли?"

Блейз усмехнулся и недоверчиво покачал головой. "Можно и так сказать. Мне придется присматривать за тобой, Поттер. Я уже начинаю понимать, что, где бы ты ни был, за тобой последуют неприятности."

Он был совершенно прав.

Короткие пути, которые Хиггс и Фарли предоставили накануне вечером, оказались неоценимыми, когда дело дошло до того, чтобы попасть в класс вовремя, и не только потому, что Гарри, Драко и Блейз знали, что без них они совершенно заблудятся, но и потому, что даже если бы они знали о второстепенном, более широко используемом маршруте, им потребовалось бы вдвое больше времени, чтобы добраться туда, куда они направлялись, и они наверняка опоздали бы. Несмотря на советы префектов, они добрались до своего первого урока в этот день, защита от темных искусств с профессором Квиррелл только с несколькими минутами в запасе. К сожалению, самый первый урок их первого года в Хогвартсе оказался абсолютным разочарованием.

Квиррелл был нервным маленьким человечком, который ужасно заикался и, казалось, боялся собственной тени. В классе пахло чесноком, и каждый раз, когда он смотрел в сторону Гарри, его шрам болезненно пульсировал.

История магии, преподаваемая призрачным профессором Биннсом, была так же плоха.

Монотонный голос биннса и полное отсутствие энтузиазма в отношении его предмета сделали то, что должно было быть увлекательной темой восстания гоблинов, более утомительным, чем чтение задней части коробки с хлопьями.

К счастью, и трансфигурация, и чары более чем оправдали ожидания Гарри. В то время как зелья оставили Гарри немного озадаченным. Первое впечатление Гарри о его главе дома, профессоре Северусе Снейпе, было то, что он питал к нему сильную неприязнь; он старался не показывать свою враждебность открыто, вероятно, потому, что Гарри был одним из его змей, и это только дало бы Слизерину дурную славу. Но чаще всего Гарри ловил отвращение в глазах мужчины, когда тот смотрел в его сторону.

Вместо того чтобы быть запуганным несколько устрашающим мастером зелий, Гарри изо всех сил старался смягчить свое неудовольствие; несколько раз, когда Профессор Снейп заговаривал с ним, он старался держать свой тон ровным и уважительным, он делал все возможное, чтобы свести разговоры между Драко, Блэзом и самим собой к минимуму, и он уделял назначенному зелью и письменным инструкциям, которые сопровождали его, особенно пристальное внимание, чтобы убедиться, что оно вышло как можно более совершенным. И хотя Снейп, возможно, не проявлял к нему той же благосклонности, что и к некоторым другим Слизеринцам, особенно к Драко, к концу урока он, по крайней мере, больше не смотрел на него, как на что-то, что он соскреб со дна своего котла.

К концу первого дня Гарри был измотан и с нетерпением ждал теплой еды, чтобы восстановить свою убывающую энергию. Однако, добравшись до Большого зала, он свернул с курса, который должен был привести его к столу дома, и направился в сторону Равенкло.

"Куда ты идешь, Поттер?" Спросил Драко. "Стол Слизерина в той стороне."

"Я знаю, где находится Слизеринский стол, Драко," ответил Гарри. "И сколько раз я должен просить тебя звать меня, Гарри. Не эту чепуху с Поттером?"

"Сколько еще раз тебе повторять, что я не давал тебе разрешения обращаться ко мне по имени?"

"По крайней мере еще раз, как всегда,"

"Если мы не идем в Слизерин, Потте... Гарри, "поправился Блейз, увидев раздраженный взгляд, направленный в его сторону, "то куда мы идем?"

"К столу Равенкло, конечно. Мы будем сидеть с Гермионой."

"Но мы же не в Равенкло," запротестовал Драко.

Гарри многозначительно посмотрел на свой серебристо-зеленый галстук. "Я прекрасно это понимаю, Драко," сказал он, "Но Гермиона - да. Я говорил, что мы сидим с ней. Это ведь не противоречит правилам, не так ли?"

"Ну, нет-"

"Хороший." Черноволосый мальчик преодолел последние несколько футов до стола Равенкло и плюхнулся на скамью рядом со своим пушисто-волосом другом. "Привет, Гермиона."

Брюнетка, которая до его внезапного появления была поглощена толстым учебником, вздрогнула на своем месте. "О, привет, Гарри, Драко, и..."

"Блейз," представился темнокожий мальчик. "Меня зовут Блез Забини."

"Приятно познакомиться, Блейз, я Гермиона Грейнджер. Что вы здесь делаете? Стол Слизерина вон там."

"Так мне и сказали," вздохнул Гарри. "А тебе не приходило в голову, что мы здесь из-за тебя? Ты ведь мой друг, не так ли? И друзья обычно сидят вместе во время еды."

"О," Гермиона слегка покраснела, "у меня никогда раньше не было друга."

"У меня тоже," усмехнулся Гарри. "Разве это не восхитительно?"

"Мы все еще друзья?" Теперь настала очередь Гарри вздрогнуть и повернуться на стуле; он даже не услышал приближения Рона и Невилла из-за общей суматохи в Большом зале.

Он с любопытством склонил голову набок, глядя на Рона, который только что заговорил. "А почему нет?"

Рон нервно переминался с ноги на ногу. "Ну, ты же знаешь, что слизеринцы и гриффиндорцы обычно не ладят. У них тут какое-то соперничество идет."

"Вы хотите быть соперниками?" Гарри нахмурился.

"Нет! Нет, я ... я просто не был уверен, что ты этого не хочешь."

"Мы все еще друзья Рон. Вы с Невиллом присоединитесь к нам за обедом?"

Рыжий мальчик заметно расслабился от облегчения, когда они с Невиллом поспешили занять свои места среди небольшой группы. "Да, конечно."

"Блестяще. Теперь я считаю, что представления друг другу должны быть в порядке..."

Гарри оторвался от своей группы где-то после обеда и меньше чем за час до комендантского часа. Он был осторожен, чтобы не быть замеченным, когда пересекал территорию и нырял в Запретный лес, где Локи ждал за линией деревьев.

"Тебе удалось пройти мимо берегов без каких-либо проблем?" Спросил Гарри, принимая объятия отца.

Локи фыркнул, забавляясь одной лишь мыслью о том, что любая защита может долго удерживать его, особенно та, что воздвигнута смертными. "Вовсе нет," ответил он. "Сегодня у тебя был первый день занятий. Как все прошло?"

Лицо Гарри мгновенно просветлело, и он начал поминутно пересказывать события своего дня. Локи в нужное время улыбался и удивлялся, искренне интересовался словами сына, но не мог полностью сосредоточиться, столкнувшись с блестящей улыбкой Гарри и заразительным счастьем. Он не был уверен, что он когда-либо видел его таким полным света, даже когда они встречались в их укрытии в заброшенной бакалейной лавке, напоминание о том, что он вернется к Дурслям, где его тихо ненавидели всего через несколько часов, никогда не угасало в его глазах.

Каждое напоминание о трагедии, которая была детством Гарри, пронзало его сердце,

становясь еще хуже с осознанием того, что трудные времена были далеки от завершения. У Гарри было много будущего, но не все хорошее; там будут смерть, предательство и боль, так много боли. Локи ничего так не хотел, как взять его с собой в Асгард, где он будет счастлив, любим и в безопасности. Но он не мог этого сделать, пока вопрос о смертности Гарри оставался без ответа. Кровь Гарри пела о силе и долголетию асгардийца, но со всей хрупкостью смертного, как читал Локи. Гарри мог жить тысячи и тысячи лет, а мог умереть и за сотню, но все равно оставался младенцем по сравнению с теми годами, что ему пришлось пережить. Но при одном упоминании о том, что его сын умирает, сердце подскакивало к горлу, и ему казалось, что он медленно задыхается.

Он никогда не обманывал себя, думая, что из всех детей, которых он родил и произвел на свет, Гарри был его любимцем. Он любил Гарри больше всего только потому, что тот был единственным ребенком, которого ему дали возможность узнать и вырастить без влияния отца, омрачающего его суждения. Возможно, если бы ему дали возможность узнать других больше, чем те немногие годы, что у него были, он испытал бы ту же глубину чувств, что и к Гарри. Но он этого не сделал, и поэтому единственное, что он чувствовал по отношению к своим старшим детям, была какая-то отстраненная тоска и глубокое сожаление. Он не допустит, чтобы такая же участь постигла и Гарри.

"Похоже, у тебя был довольно насыщенный первый день," улыбнулся Локи, когда у Гарри закончились темы для разговора. "Разыграй свои карты правильно, и те дети, с которыми ты подружился, останутся друзьями на всю жизнь."

"Ты так думаешь?" С надеждой спросил Гарри. У него никогда не было настоящих друзей, даже после того, как Дадли перестал мучить любого, кто проявлял интерес к тому, чтобы быть его другом, ни один из детей, казалось, не стремился подружиться с ним. Они, вероятно, чувствовали, что он был другим, больше чем человеком, и поэтому не хотели иметь с ним ничего общего.

"О, я это знаю. Они хорошо подходят для тебя."

"Даже Малфой?"

"Особенно Малфой. Ты сам сказал, что ему нужен только шанс стать самим собой, и он окажется самым лучшим другом."

"Пожалуй, я бы не возражал," согласился Гарри, он взял бы любого друга, которого смог бы найти. "Он немного напыщенный мерзавец, но он начинает расти в моих глазах. Хотя Рон ненавидит его до глубины души."

"Дай им время, и они научатся терпеть друг друга. Но теперь, когда у вас появилась возможность освоиться и я нашел способ обойти эти обереги, я думаю, что нам следует начать обсуждать, где и когда мы будем проводить ваши уроки о том, как владеть вашим кинжалом."

"А как насчет здесь?" Гарри указал на лес вокруг себя. "Студентам запрещено бродить по лесу, потому что там бродят опасные твари, но вы могли бы найти нам хорошее место для работы и поставить несколько защитных барьеров, чтобы не пускать этих тварей."

"Наверное, я мог бы," задумался Локи. "Я должен осмотреться вокруг, мне нужно знать, какие существа обитают в этом лесу, чтобы установить надлежащие обереги, но это не должно быть слишком сложной задачей. Это будет сделано после того, как вы вернетесь в замок. Когда я приду в следующий раз, мы встретимся здесь, и я приведу тебя туда, где я нашел место."

"Тебе не нужна компания, пока ты смотришь?"

Локи встрепенулся. "Я более чем способен справиться с любыми опасностями, которые таятся в этих лесах, но вы еще не готовы. Я буду чувствовать себя лучше, если ты подождешь, пока я выясню, с чем мы имеем дело."

"Ладно," вздохнул Гарри. "Тогда, наверное, мне следует вернуться в замок."

"Полагаю, что да." Локи крепко обнял Гарри. "Спокойной Ночи, Маленький Обманщик. Скоро мы снова увидимся."

Гарри пробормотал в ответ свое "Спокойной ночи" и медленно направился обратно в замок, где комендантский час был уже в полном разгаре. Он добрался до своего общежития, не будучи замеченным ни патрульным персоналом, ни их кошками, и с благодарным вздохом скользнул в постель.

Это был первый из многих долгих дней; его тело болело от того, что он шел по извилистым коридорам и крутым лестницам, и его магия никогда не использовалась так часто за один день, и все же он никогда не был счастливее.

Только через несколько месяцев семестра Рон Уизли наконец пришел к с трудом заработанному выводу, что дружить с Гарри Поттером было...странно. Он вырос на историях о Мальчике-Который-Выжил и всех его магических подвигах, но ничто не могло подготовить его к настоящему. Это началось, когда Гарри был распределен в Слизерин, но вместо того, чтобы почтить вековую традицию, поклявшись не иметь ничего общего с Гриффиндорским домом, включая Рона и Невилла, Гарри рисковал презрением своих соседей по дому, чтобы не только держать их в качестве друзей, но и сидеть с ними несколько раз в неделю за едой.

Рон всегда знал, что Гарри будет талантлив в магии, он должен был учитывать, что Гарри победил Темного Лорда всего в пятнадцать месяцев, но даже он не был готов к той легкости, с которой Гарри подхватывал заклинания. Если бы он не знал, что Гарри вырос среди магглов, то заподозрил бы, что он изучал магию еще до Хогвартса, как это обычно делали многие дети из старших чистокровных семей.

В одном рассказе были правы: он был абсолютно бесстрашен. Забини рассказал ему, Невиллу и Гермионе о том, как один из его старших соседей по дому, Эдриан Пьюси, открыто презирал Гарри за то, что его отправили в Слизерин только для того, чтобы он был избит до полусмерти удивительно острым языком Гарри, но он не верил этому, пока Фред и Джордж, у которых, казалось, были уши повсюду, не подтвердили слух. Он был удивлен и слегка напуган тем, что рассказали ему братья, вплоть до того момента, когда на следующее утро увидел Гарри в Большом зале, набивающего себе рот едой и безжалостно дразнящего Малфоя по какому-то поводу.

Рон немного сомневался, стоит ли делить Гарри с блондинистым придурком, он не слышал ничего, кроме плохих вещей о его семье от своих старших братьев, и их грубая встреча в поезде не изменила его мнения. Но, поскольку они оба были друзьями Гарри, он был вынужден проводить отвратительное количество времени с наследником Малфоев; он все еще ненавидел почти все, что имело к нему отношение, но, проведя в его компании так много времени, он смог различить настроение Малфоя и определить, когда его почти постоянный шквал оскорблений был серьезным, а когда граничил с поддразниванием.

Гарри, казалось, нисколько не беспокоила их предполагаемая вражда, он только казался счастливым, что они были друзьями, что заставляло Рона изо всех сил стараться не спровоцировать Малфоя на драку. Ради Гарри.

Он хорошо ладил с остальными; из-за того, что они жили в одном доме, они с Невиллом были ближе всего, но он все еще находил Гермиону и ее бесконечный запас знаний полезными и немного восхитительными, и он думал, что Забини был хорош для слизеринца, он был вежливым и часто забавным, даже если он не хотел этого.

В общем, начало первого года в Хогвартсе показалось ему довольно приятным, несмотря на тот незначительный инцидент с троллем, забредшим в замок во время праздника Хэллоуина.

Весь разгром с троллем был незначительным; никто из персонала не объяснил, как ему удалось попасть в замок или даже откуда он появился, но Блэз предположил, что один из студентов оставил главные двери открытыми, когда возвращался с территории, и звуки и запахи с праздника Хэллоуина выманили тролля из Запретного леса. Существо было найдено почти сразу же, оно пило из туалета в женском туалете, где его усмирили и вернули туда, где оно должно было быть.

К счастью, все были на пиру, когда туда забрел тролль; если бы это случилось в середине учебного дня, инцидент мог привести к серьезным травмам. Из-за их интуитивной прозорливости и быстроты, с которой персонал позаботился о тролле, Блэзу нечего было сказать по этому поводу. Это был Цербер, с которым у него были проблемы.

Гарри, который, как быстро начинал понимать Блэз, был магнитом для неприятностей, бежал от озорного полтергейста, Пивза и его спитбольных снарядов, когда он нырнул в коридор, куда им было запрещено входить в самом начале года, и оказался лицом к лицу с массивным трехглавым адским псом.

Понятно, что на Блэза и остальных это не произвело никакого впечатления: тролль - это одно, это был несчастный случай, и никто не пострадал, но директор школы не мог не знать, что Цербера держат в замке, он ведь предупреждал учеников, чтобы они не забредали в его место пребывания в самом начале семестра. Честно говоря, это был только вопрос времени, когда студент наткнется на него, Гарри "повезло", что его встреча закончилась катастрофой.

Конечно, зеленоглазый слизеринец не видел этого таким образом, на самом деле, он хотел вернуться. Он утверждал, что Цербер что-то охранял, судя по всему, это был люк. Разве не было бы интересно узнать, что скрывается под Цербером?

Блейз очень решительно сказал ему, что это будет не весело, а полная противоположность веселья; Рон, Драко, Гермиона и Невилл немедленно согласились с ним. Гарри сдался довольно легко, но Блэз пообещал себе, что все равно будет присматривать за своим соседом по дому; он был самым скользким из всех. Неудивительно, что они так хорошо ладили.

К нескончаемому облегчению Невилла, Гарри оставил все дела, касающиеся Цербера и Люка, и больше не поднимал эту тему. Хотя его взгляд время от времени приобретал особенно опасный блеск, особенно когда они приближались к тому месту, где, как он знал, скрывалось существо. Мысль о намеренном возвращении туда, где обитал цербер, только для того, чтобы выяснить, действительно ли там был люк, а если и был, то что лежало под ним, показалась

Невиллу не слишком удачной. Однако он не хотел быть тем, кто пойдет против Гарри, у него никогда не было так много друзей сразу, или вообще никаких друзей, и он не хотел все испортить, став трусом. К счастью, у Блэза не было такой проблемы, и он сумел отговорить Гарри с поразительной быстротой, и какое-то время все шло хорошо.

Первый семестр закончился, и Невилл вернулся домой, чтобы навестить свою бабушку и нескольких других родственников; они были вне себя от радости, как от того, что он попал в Гриффиндор, так и оттого, что он нашел себе хорошую коллекцию друзей, частью которой был и сам Гарри Поттер. Бабушка немного сомневалась, стоит ли ему связываться с Малфоем, но Невиллу удалось убедить ее, что он отличается от своего отца во всех отношениях. Он не был настолько сумасшедшим, чтобы называть себя другом Малфоя, но в лучшем случае их можно было считать партнерами, и ему нравилось думать, что между ним, Роном и Гермионой Малфой считал его наименее невыносимым. Он часто оказывался посредником в спорах между этими тремя, когда Гарри не было рядом и Блэзу не приходилось беспокоиться.

Второй семестр начался довольно тихо, за исключением нескольких столкновений с одним из старших слизеринцев, все было спокойно. Но потом, конечно, Гарри пришлось пойти и подружиться с наполовину гигантским садовником Хагридом, который питал особенно нездоровую любовь к существам с острыми зубами и острыми когтями и, к сожалению, немного не обладал здравым смыслом. Мужчина подумал, что неплохо было бы попытаться вырастить дракона в его крошечной хижине на окраине замка, точнее, в его крошечной деревянной хижине. Гарри и Рон объединились, чтобы убедить Хагрида, что дракон будет счастливее жить в резервации с другими драконами, такими же, как он. Потребовалось немало времени, чтобы убедить его, но в конце концов он сдался, и шестеро из них а также одного из старших братьев Рона рисковали пожизненным заключением, чтобы тайно вывезти дракона с территории.

Из-за суматохи вокруг Норберта - дракончика, а также из-за быстро приближающегося конца семестра, Гермиона, Драко, Блейз, Рон и сам Невилл почти забыли о Цербере. Но, конечно, Гарри этого не сделал.

Если быть до конца честным, Невиллу придется свалить вину за то, что Гарри снова заинтересовался "Цербером", на Хагрида. В отчаянной попытке гиганта убедить его и его друзей, что он вполне способен позаботиться о Норберте, он признался, что именно он вырастил Цербера, Пушок, как его звали. Нужно было только знать, как его успокоить, что, по-видимому, было связано с музыкой.

Как только слова слетели с губ Хагрида, в глазах Гарри появился тот блеск, который все они довольно быстро научились ассоциировать с неприятностями.

"Нет, Поттер," немедленно ответил Малфой.

"Что значит "нет, Поттер"?" Запротестовал Гарри. "Я только хотел сказать, что это интересная информация, которая мне совершенно не нужна."

Невилл, Драко, Гермиона, Невилл и Блейз обменялись раздраженными взглядами, молча придя к соглашению, что они не оставят Гарри одного ни на минуту.

Но потом начались экзамены, на которых все они оказались слишком рассеянными, чтобы следить за Гарри. И это было, конечно, именно тогда, когда он ускользнул от них.

Гарри только хотел проверить Цербера, может быть, сыграть ему мелодию немного, чтобы увидеть, действительно ли то, что сказал Хагрид, было правдой, но когда он узнал, что он был прав все это время, под Цербером действительно был люк, он не мог не бросить быстрый взгляд.

Этот быстрый взгляд привел его в лабиринт, полный разнообразных ловушек и трюков. После борьбы с заросшим сорняком, который, казалось, боролся с концепцией личного пространства, выслеживая один конкретный ключ в стае крылатых ключей, действуя как вполне буквальная пешка в огромной, смертоносной шахматной доске, проскользнув мимо уродливого, вонючего существа, которое могло быть только троллем, и выяснив загадку, которая позволила ему пройти сквозь стену черного пламени, он оказался в пещерообразной комнате, пустой за исключением огромного золотого зеркала, стоящего в ее центре.

"Еиналеж - адрес огеовт еиналеж а оцил еовт ен юавызакопя," пробормотал Гарри, читая надпись по краю зеркала. "Еиналеж...желание. Я показываю не твое лицо, а желание твоего сердца." Он фыркнул про себя. "О, я понимаю. Это наоборот, потому что это зеркало. Умно."

Он мог видеть себя в зеркале, но это был не тот человек, которого он привык видеть; он был старше, и на его коже было какое-то сияние, которого он никогда раньше не видел. Он был бессмертен и находился в обществе своего отца, дяди, бабушки и дедушки, и они были на Асгарде.

Это был ловкий трюк, но ему не нужно было зеркало, чтобы понять, чего хочет его сердце. Он уже давно все понял.

Неужели это то, что охранял Цербер? Зачем тратить все силы на создание таких сложных мер безопасности, чтобы спрятать зеркало? И зачем прятать его в школе, если уж на то пошло?

"Неужели директор - идиот?" спросил он себя. "Неужели он всерьез думал, что здесь, внизу, это навсегда останется безопасным и тайным?"

"В точности мои мысли." Профессор Квиррелл, во всем своем великолепии пурпурного тюрбана, беззвучно появился в дверях комнаты. На его лице появилась нехарактерная для него ухмылка, когда он медленно спускался по лестнице, и Гарри заметил, что его слова были лишены обычного заикания.

"Странно видеть вас здесь, профессор." Гарри нервно почесал затылок. "Я знаю, что коридор третьего этажа должен быть закрыт, по очевидным причинам, которые я теперь понимаю. Но у меня есть веская причина для того, чтобы быть здесь, вы видите, что там было-"

"Прибереги свои оправдания, любопытный мальчишка."

Гарри моргнул, на мгновение ошеломленный внезапной уверенностью этого обычно робкого человека. "Ладно, тогда я просто пойду..."

Квиррелл поднял бровь и остался стоять на месте, прямо перед единственным выходом и входом. "Думаю, что нет. Вы собираетесь помочь мне."

"Помочь Вам в чем именно?"

"Чтобы забрать камень."

Гарри покачал головой. "Я...совершенно растерян. Профессор, вы хорошо себя чувствуете?"

И тут раздался третий, леденяще холодный и, казалось, бестелесный голос: "Он ничего не знает. Убить его."

Квиррелл даже не колебался, прежде чем поднять палочку и выстрелить замораживающим[1] в направлении Гарри. Подросток взвизгнул и откатился в сторону, и он снова выпрямился, держа свою собственную палочку наготове, чтобы защитить себя.

"Я и не знал, что нарушение правил карается так сурово!" Он увернулся от очередного смертоносного заклинания, а затем выстрелил одним из его собственных. Он резко взмахнул палочкой и увидел, как Квиррелл отшатнулся, словно его ударили невидимым кулаком.

"Чт-?" Гарри снова взмахнул палочкой, и Квиррелл отступил еще на шаг.

"Прекрати это!" Его тюрбан был сбит набок, а щеки пылали пестрым румянцем.

"Прекратить что?" Невинно спросил Гарри, ударив его еще раз. "Я ничего не делаю."

"Инкарцери!" Гарри легко обошел моток веревок и выстрелил в ответ режущим проклятьем.

"Диффиндо! Конфундус! Круцио!" Гарри удалось легко увернуться от первого, но, обойдя второго, он встал прямо на пути третьего. В тот момент, когда проклятие ударило, Гарри почувствовал боль, которая, как никакая другая, пронзила его вены, вскипятила кровь и расплавила кости. Он упал на колени, задыхаясь от боли.

"Теперь ты уже не такой крутой, Да, Поттер?" Насмехался Квиррелл, но его голос звучал иначе, более свистящим и жестоким. "Продолжай и кричи для меня, мальчик, я знаю, что ты этого хочешь. Жаль, что рядом нет никого, кто мог бы услышать этот чудесный звук."

Несмотря на мучительную боль, Гарри сумел крепче сжать палочку и с большим усилием направил ее на Квиррелла. "Диффиндо."

Проклятие выстрелило полосой белого света и поразило его цель. Когда мужчина упал на спину со сдавленным криком, проклятие прекратилось, и боль исчезла, позволив Гарри медленно перевести дыхание и восстановить контроль над своими конечностями.

Потребовалось несколько неудачных попыток, чтобы подняться на ноги, но в конце концов он справился и, шатаясь, подошел к расprostертому на земле Квирреллу. Режущее заклинание попал Квирреллу прямо в шею, оставив на его горле кровавое месиво.

"О нет," выдохнул одиннадцатилетний мальчик. В этот момент он забыл, что человек только что пытался убить его, он забыл ужасную боль, причиненную проклятьем, под которое он его подверг, все, о чем он мог думать, это о том, что человек умирает прямо перед ним, и это все его вина. "О Нет, профессор, подождите, я могу все исправить. Просто держись и не умирай." Он потянулся за своей палочкой, отчаянно думая о том, что он может использовать, чтобы исцелить человека, но за все его обучение он не мог думать ни о одном из них.

"Черт возьми!" Гарри оторвал полоску от нижней части рубашки и прижал ее к окровавленной ране, надеясь остановить кровотечение. "Дайте мне секунду, профессор," прошептал он, не замечая слез, капающих на щеку. "Просто дайте мне секунду. Я могу это исправить. Я могу. Я знаю, что могу."

Когда он двинулся, чтобы прижать полоску ткани к шее Квиррелла сильно дрожащими руками, Квиррелл обернул руку вокруг его запястья, останавливая его движения. "Нет," выдавил

мужчина. "Оставить меня."

"Вы с ума сошли!" Воскликнул Гарри, проводя рукой по глазам, чтобы немного прояснить их.
"Вы умрете!"

"Он все еще... внутри меня. Может... быть, удастся... у-убить"

"Что? Кто? Кто внутри Вас? Кого Вы можете убить?"

"Вол-Вола..."

"Воландеморт?" Недоверчиво выдохнул Гарри.

"Я... должен был... быть хозяином... пока ка-ка-камень... эликсир не вернет его."

"Профессор, в ваших словах нет никакого смысла. Какой камень? Какой эликсир?"

Дыхание Квиррелла становилось все более прерывистым, когда кровь прилила к его легким.
"Пр-прости," выдавил он, прежде чем сделать последний судорожный вдох и затихнуть.

"Профессор?" Прошептал Гарри. "П-профессор Квиррелл?" Он протянул руку, чтобы схватить мужчину за плечо, намереваясь встряхнуть его, чтобы вернуть к жизни, но в тот момент, когда он коснулся его, черный туман внезапно вырвался из тела Квиррелла и ударил Гарри в грудь. У него была лишь секунда, чтобы подумать, что же все-таки произошло, прежде чем он упал на землю без сознания.

Гарри не знал, как долго он оставался без сознания; это могли быть минуты, часы, дни, может быть, даже недели, он не мог этого знать. Все, что он знал, это то, что просыпаться после того, как злое существо, которое могло быть или не быть убийцей его матери и отчима, было совсем не похоже на то, как это было в фильмах. Не было никакого медленного пробуждения, чтобы обнаружить себя окруженным любимыми, только внезапный толчок назад к сознанию, полный тяжелых приступов головокружения и тошноты, и никакой компании, кроме строгой школьной медсестры и жуткого директора школы.

Застонав, Гарри откинулся на подушку в надежде, что мир перестанет вращаться и успокоит его желудок, застрявший в горле.

"Что случилось?" прохрипел он через несколько минут, потраченных на восстановление.

"Похоже, у вас были серьезные неприятности с профессором Квирреллом и духом Лорда Волдеморта."

Гарри почувствовал, как его тело напряглось. "Я убил его," прошептал он.

"Я и все соответствующие должностные лица можем заверить вас, что это было сделано в целях самообороны. Квиррелл бросил на тебя Круциатус, и это было вполне оправданно."

"Нет, не было," отрезал Гарри. "Он был одержим Волдемортом-"

"Нет, он нес душу Волдеморта." Поправил Дамблдор. "Он не был одержим. Действия Квиррелла были его собственными."

"Одержимый или нет, я все равно убил его. Он был человеком, и я лишил его жизни."

"Мой дорогой мальчик-"

Гарри прервал директора прежде, чем тот успел еще больше разозлить его своими бессмысленными попытками утешить. "А чего добивался Квиррелл?"

Дамблдор выглядел удивленным. "Вы не знали?"

"А если бы знал, разве стал бы спрашивать?" Гарри понимал, что ведет себя неуважительно по отношению к директору, но едва ли мог заставить себя обращать на это внимание.

"Как вы уже знаете, профессор Квиррелл принял душу Волдеморта в свое собственное теле; в попытке вернуть себе смертную форму и, в свою очередь, бессмертие, он приказал Квирреллу вернуть Волшебный камень, объект, созданный знаменитым алхимиком Николасом Фламелем, камень обладает способностью восстанавливать-"

"Превратите обычные металлы в драгоценные и дать пьющему эликсир из него бессмертие. Да, я слышал об этом. Что случилось с камнем?"

"Мы с Фламелем сделали несколько новых распоряжений, чтобы обеспечить абсолютную безопасность камня," туманно ответил Дамблдор.

Гарри кивнул. "Волдеморт собирается попробовать другой способ вернуться."

"Осмелюсь предположить, что так оно и есть." Дамблдор согласился. "Как ты думаешь, он добьется успеха?"

"Я думаю, дело не столько в том, добьется ли он успеха, сколько в том, когда. И когда он это сделает, будем ли мы готовы?"

Вскоре после его, по мнению Гарри, довольно глубокого вопроса, Дамблдор покинул больничное крыло с глубоко задумчивым выражением, омрачающим его морщинистое лицо. Но вскоре его присутствие сменилось гораздо более желанным, друзьями, которые собрались в больничном крыле всего через несколько минут после его ухода и столпились вокруг его кровати.

"О, я так рада, что с тобой все в порядке, Гарри," воскликнула Гермиона, заключая его в крепкие объятия. "Когда Дамблдор рассказал нам, что случилось, мы очень волновались, особенно когда он не позволил нам сразу же прийти к тебе."

"Ну, больше не о чем беспокоиться." Заверил Гарри. "Я как новенький."

"Ты уверен? Ничего не болит? У тебя нет головокружения или тошноты? Может быть, мне стоит позвать мадам Помфри, просто чтобы убедиться-"

"Очевидно, он говорит правду, Грейнджер. Так что прекрати свою болтовню, она становится довольно надоедливой," Драко критически посмотрел на Гарри. "Но тебе все равно нужно быть осторожнее," пожурил его блондин, "и научиться следить за своим шагом, иначе ты можешь серьезно пострадать."

Гарри нахмурился. "Помни...помни о моем шаге?" повторил он. "Что ты хочешь этим сказать?"

"Разве ты не помнишь, что случилось?" Обеспокоенно спросил Блейз.

"Я..." Гарри замолчал, вспомнив события прошлой ночи. Неужели он что-то забыл?

"Ты упал с лестницы и ударился головой," объяснил Невилл. "Кровавый Барон нашел тебя и рассказал профессорам."

"Я не падал с лестницы!" Воскликнул Гарри.

"Но Дамблдор сказал-"

"Дамблдор солгал. Я вернулся к Церберу."

"Конечно же, ты это сделал!" Воскликнул Драко. "Что ты за безмозглый гриффиндорец?"

"Осторожнее, Малфой," предупредил Рон.

"Заткнись, Уизли. Что, во имя Мерлина, заставило тебя вернуться туда?"

"Мне было любопытно, Цербер что-то охранял, и я хотел посмотреть, что именно. Я просто хотел быстро взглянуть."

"Но...?" Подсказал Блейз.

Вздыхнув, Гарри рассказал о своем опыте, подробно описывая все задачи, что он должен был сделать, чтобы преодолеть их, и что произошло после того, как он сделал. Он наблюдал, как их лица менялись от восхищения до шока, когда они узнавали о Квиррелле, и до ужаса, когда он объяснял, какое ужасное проклятие наложил на него профессор.

"Круциатус." Прошептал Невилл. "Это то чем он тебя подверг." Мальчик выглядел больным. "Используя его, или любое из его родственных заклинаний, Империиус или убийственное проклятие, вы попадете в Азкабан на всю жизнь."

"И это будет не больше, чем заслуживает этот несчастный ублюдок," яростно сказал Рон. "Кстати, где он? Неужели Авроры уже увезли его?"

"Он мертв."

В комнате воцарилась тишина, когда все повернулись, чтобы посмотреть на Гарри, который вдруг почувствовал сильное увлечение своими руками.

"Мертв?" Повторила Гермиона. "Каким образом?"

"Я убил его," голос Гарри слегка дрожал. "Проклятие было ужасным, оно причиняло такую боль, что я едва могла дышать, но каким-то образом я ухватилась за свою палочку и выстрелила в него первым заклинанием, которое пришло мне в голову. Режущее заклинание ударило его прямо в шею. Он ... он умер, пока я сидел там и ничего не делал."

"О, Гарри, это была самозащита," попыталась успокоить его Гермиона. "Он мучил тебя, это была не твоя вина."

"Он находился под влиянием Волдеморта." Увидев испуганные и растерянные взгляды своих друзей, Гарри продолжил, подробно объясняя смерть этого человека и его последние слова, а также событие, которое привело его в лазарет.

"Значит, Волдеморт не умер," бесцветным голосом произнес Рон.

"Нет, и в конце концов он получит тело, а когда это произойдет, он придет за мной. Так что я ... я пойму, если вы, ребята, не захотите иметь со мной ничего общего. Быть моим другом - значит подвергать себя опасности."

"Ты с ума сошел?" воскликнул рыжий. "Ты мой друг, Гарри, и ни один сумасшедший темный волшебник этого не изменит. Кроме того, тебе не стоит беспокоиться обо мне."

Все взгляды обратились к Драко, который надулся от обиды. "Что, ты думаешь, раз мой отец был Пожирателем Смерти, я тоже стану им?" Он впился взглядом в Гарри. "Ну, вы все ошибаетесь. Когда я пожал тебе руку в поезде, Поттер, я сделал свой выбор. Что бы ни случилось, будь то сумасшедшие садовники, питающие слабость к драконам, или одержимые манией величия темные лорды, которые ставят тебя на первое место в своих списках убийств, я с тобой. И никакое нытье не изменит. Ты...ты можешь смириться с этим и привыкнуть, потому что я здесь, чтобы остаться."

Гарри смотрел на блондина с благоговейным трепетом, и даже в его взгляде можно было уловить намек на уважение. "Спасибо, Драко, ты даже не представляешь, как много это для меня значит."

"Он не единственный," сказал Блейз. "Я не собираюсь отказываться от тебя в любое время, Гарри."

"Я тоже," сказал Невилл.

"И я тоже," добавила Гермиона.

Когда его друзья объявили о своем намерении держаться рядом с ним, несмотря ни на что, Гарри почувствовал, что тугой узел в груди немного ослабел. С ним было не все в порядке, но просто находясь в компании друзей, он был уверен, что со временем все будет.

[1] - Это отсебятина, я не знаю как правильно перевести "ice white cure"

<http://tl.rulate.ru/book/31431/679169>